

ТРУДЫ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ВОСТОКОВЕДОВ

МОСКВА

9—16 августа 1960 г.

ТОМ V

ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИЙ XVI—XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

Под редакцией

Б. Г. Гафурова (председатель редакционной коллегии),
И. С. Брагинского, А. А. Губера,
И. М. Дьяконова (секретарь редакционной коллегии),
И. И. Потехина, С. Л. Тихвинского и С. П. Толстова

СОДЕРЖАНИЕ

Секция XVI. Китаеведение	5
Подсекция истории	5
Подсекция филологии	89
Секция XVII. Корея	234
Секция XVIII. История Монголии	302
Секция XIX. Япония	355
Секция XX. Африканистика	491
Подсекция истории	555
Подсекция филологии	586
Послесловие	620
Список делегатов	621

ТРУДЫ XXV МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНГРЕССА ВОСТОКОВЕДОВ

Т о м V

*Печатается согласно решению
Президиума АН СССР от 19 сентября 1960 г.*

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2

1 Типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

М. И. НИКИТИНА, А. Ф. ТРОЦЕВИЧ (Ленинград): КОРЕЙСКИЙ РОМАН
«УДИВИТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ ДВУХ БРАСЛЕТОВ»

В Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР в числе рукописей и ксилографов бывшей коллекции известного английского востоковеда В. Г. Астона находится рукопись романа *Удивительное соединение двух браслетов* 雙劍奇逢 *Ссянъчхйэн кыйбонъ* (22 тетради). Рукопись написана корейским буквенным письмом. Время создания памятника и автор не обозначены.

Известные нам библиографические справочники и литературоведческие работы дают следующие сведения об этом романе.

В первом томе *Библиографии Кореи* Курана¹ под № 933 значится произведение под названием: *Ссянъчхйэн кыйбонъ* 雙川奇逢 (?)² По-видимому, Куран непосредственно не был знаком с этой рукописью. В иероглифической записи названия второй иероглиф 劍 представлен только фонетической частью 卍. Поэтому автором сделан неверный перевод заглавия: «Удивительная встреча двух рек» (*Rencontre merveilleuse des deux fleuves*).

О произведениях сходного жанра и о самом романе *Ссянъчхйэн кыйбонъ* упоминается в работе Ким Тхэ Чжуна *История корейской повествовательной литературы*³, изданной в Сеуле в 1939 г. Однако автор ссылается здесь на библиографию Курана.

В работе Цой Хён Бэ *Изучение корейской письменности*⁴ об этом романе ничего не сказано, хотя в ней дается подробное описание сохранившихся памятников (рукописей, ксилографов и старопечатных книг), написанных корейским буквенным письмом.

Отсутствуют указания на этот памятник и в работе Маэма Кё:саку *Каталог старых корейских книг*⁵.

Не располагая, таким образом, какими-либо подробными сведениями об этом памятнике, попытаемся определить характер этого произведения и время его написания, исходя из данных самой рукописи.

Ссянъчхйэн кыйбонъ представляет собою исторический роман типа семейной хроники. Действие его происходит в Китае, в правление династии Мин и охватывает период с 1382 по 1572 г. Роман излагает историю пяти поколений дома Ли. Основатель этой семьи Ли Хён (по-китайски Ли Сянь) — историческое лицо. В начале династии Мин действительно жили два Ли Сяня. Один из них был приближенным императора Чэн-цзу (1403—1425 гг.), другой — приближенным императора Ин-цзуна (1457—1465 гг.). Если сравнить биографии этих лиц, помещенные в *Большом словаре китайских имен*⁶ с жизнеописанием Ли Хёна, представленным в *Ссянъчхйэн кыйбонъ*, можно убедиться в том, что в истории героя романа слились биографии двух лиц. В основу романа легли некоторые факты из жизни Ли Сяня — приближенного Чэн-цзу. Однако ему приписаны государственная деятельность, чины и звания другого Ли Сяня, жившего несколько позже. Автором был создан синтезированный, художественно пересмысленный образ героя, жизнь и деятельность которого стала основной сюжетной канвой начала романа.

Ссянъчхйэн кыйбонъ — многоплановое произведение со сложным и разветвленным сюжетом. Названием своим он обязан одной из второстепенных сюжетных линий, которая не занимает важного места в романе, а привносит лишь дополнительную занимательность. Это история соединения двух браслетов, принадлежавших семейству Ли. Некогда один

из золотых браслетов был потерян и впоследствии найден в семье Со. Браслеты были вновь соединены только через несколько поколений, когда сочетались браком юноша из семейства Ли и девушка из дома Со.

Действие романа развивается стремительно, повороты сюжета зачастую неожиданны, сюжетные комбинации остры и занимательны. Автор неистощимо изобретателен в придумывании сложных сюжетных ходов, иногда далеко уводящих от основной канвы романа. Ни одна из намеченных ранее ситуаций не повторяется, и все главные и дополнительные сюжетные линии имеют логическое завершение. В романе действие длится около двух веков, и перед читателем проходят десятки героев, с каждым из которых связана какая-нибудь занимательная история.

Основное внимание автора сосредоточено на действии, интриге, ситуации. Об этом свидетельствует отказ от ряда художественных приемов и средств, характерных для других прозаических жанров. Например, отсутствует развернутый пейзаж, нет подробных и красочных описаний внешности героев, детальных бытовых зарисовок и т. д. Описательный элемент сокращен до минимума, устранено все то, что отвлекает читателя от сложной и запутанной интриги.

Персонажи романа наделены чертами исключительности: они необычайно талантливы и красивы. Если это мужчина, то он либо выдающийся государственный деятель, ученый, либо талантливый полководец; если это женщина, то она непременно добродетельна и образованна.

В своем поведении герои, — особенно члены семейства Ли, — руководствуются конфуцианскими правилами «пяти отношений». Неоднократно, особенно в начале и в конце произведения, высказывается идея неизбежности возмездия в настоящей жизни за проступки в прошлых перерождениях. Человеку заранее предначертано в этой жизни либо терпеть мучения, либо жить в довольстве независимо от того, чего он хочет и добивается сам — судьба его predetermined. Однако, несмотря на тесные рамки, в которые поставлена человеческая личность в романе, герои решительны и самостоятельны в своих поступках, которые иногда идут вразрез с нормами феодальной морали. Так, одна из главных героинь — Лю, действуя на свой страх и риск, принимает подчас решения вместо своего мужа Ли Хёна.

Роман по существу отражает жизнь людей во всей ее сложности; человек сам находит выход из создавшихся трудностей; фантастические силы не вмешиваются в судьбы героев. Так, госпожа Чин, изгнанная несправедливо из дома, не водворяется обратно волей мужа или государя. Она сама растит сына и дает ему образование. Справедливость не восстанавливается вмешательством чуда или волей мудрого правителя. Сын, выросший без отца и не имеющий влиятельной поддержки, добивается высокого положения и дружбы родственника императора лишь благодаря собственным талантам, уму и прозорливости⁷.

Роман *Удивительное соединение двух браслетов*, излагающий события из истории Китая, представляет собой, по-видимому, оригинальное корейское произведение. Как известно, перенесение места действия в Китай является одной из традиций корейской литературы (например, произведения Ким Ман Чжуна *Скитания госпожи Са по Югу*, где действие происходит в Китае эпохи Мин. *Облачный сон девяти*, где также действие происходит в Китае эпохи Тан, или новеллы Пак Чи Вона (1737—1805 гг.). Кроме того, в романе есть целый ряд признаков, отличающих его от китайских произведений этого жанра. Китайский роман, как правило, разбит на главы, в *Ссяньчхён кыбонь* такое деление отсутствует. Затем китайский

роман обычно имеет пролог; *Ссянчхйён кыйбонъ* начинается прямо с изложения событий, что соответствует корейской литературной традиции. Специфично также использование художественных средств для описания внешности героев. Дело в том, что традицией китайской литературы выработаны художественные приемы при описании женской и мужской красоты. Смещение сфер применения этих традиционных образов в китайской литературе было бы невозможно. Между тем, в романе *Удивительное соединение двух браслетов* образы женской красоты применяются для описания внешности как женщины, так и мужчины.

Об оригинальности этого произведения свидетельствует также ключевая фраза романа — обращение к читательницам: «Вы, госпожи, прочтя, разберетесь (в этом)» (*пуин-и нэрипоа чэси алчжизда*).

Как известно, литература, написанная корейским буквенным письмом, презрительно именовавшимся «женским письмом», обычно предназначалась для простолюдинов и женщин. Такое обращение к читательницам — явление специфически корейское.

И, наконец, в пользу предположения об оригинальном, корейском происхождении этого произведения свидетельствует тот факт, что в *Сводном каталоге китайской художественной прозы* Сунь Кайди⁸ его название не упомянуто.

Попробуем теперь определить время написания романа *Ссянчхйён кыйбонъ*. Качество бумаги и почерк не дают никаких сведений для датировки⁹.

Предварительно мы можем определить временные границы создания *Ссянчхйён кыйбонъ*. «Верхней» границей является очевидно 1894 г. (год опубликования первого тома *Библиографии* Курана); «нижней» границей можно считать 1572 г. — наиболее позднюю из упомянутых в тексте романа дат. В XXII тетради рукописи, на странице 55-а, сказано: *Нюнъгёнъ хванъдйе ттэ-ый сйэчхо-ый чхилдэсон сйэчмун-и кыдйехдэя халлим хаксэ-ро сэй-ый-рыль таккыл-сэ...* «Во времена государя, правившего под девизом Нюнъ-гёнъ¹⁰, (потомок Сёля в седьмом колене) Сёль Мун, сдав государственные экзамены и получив звание *халлим хакса*, приводил в порядок (семейную) хронику...»

IV тетрадь рукописи имеет шмуцтитул: *капсин чэньвэл ил ссянчхйён кыйбонъ* («год Капсин, первая луна, день «Удивительное соединение двух браслетов») *Капсин чэньвэл сибил ссянчхйён кыйбонъ* («год Капсин, первая луна, двенадцатый день, «Удивительное соединение двух браслетов»»).

Вторая запись сделана, по-видимому, потому, что в первой пропущено число.

В этом шмуцтителе указан в циклическом летосчислении год Капсин 甲申. С 1572 г. (нижняя граница) по 1894 г. (верхняя граница) циклической датой Капсин обозначались 1644, 1704, 1764, 1824, 1884 годы. Какую же из этих пяти дат необходимо идентифицировать с годом Капсин? Мы полагаем, что 1884 год. Просмотрев колофоны и пометки на других рукописях коллекции Астона, можно убедиться, что эта же циклическая дата встречается на следующих памятниках.

1. С-5¹¹ (рукопись без заглавия) — сборник рассказов и диалогов на корейском языке, составленный Пак Чхон Сином и др. для Астона во время его пребывания в Корее. На стр. 359 (по китайской пагинации) этой рукописи есть колофон: *капсин сибилвэл исипсам ил сочжёнъ тонъпхилсэ*.

2. Д-16: *хйэн сси ссянънинги*. На V тетради этой рукописи имеется пометка: *капсин овэл исипсамил*.

3. С-17: *поянъги урок*. В конце первой тетради рукописи имеется пометка: *капсин савэл сибил йэдан чонъмансэк*.

Известно, что владелец коллекции корейских рукописей Астон был в Корее консулом с 1884 по 1886 г. Циклическая дата Капсин (甲申) приходится как раз на первый год его консульской работы — на 1884 г. Можно предположить, что 1884 г. является не годом создания памятника, а годом его переписки (возможно, специально для Астона). Иначе трудно объяснить, почему эта дата так часто упоминается в рукописях коллекции.

В пользу этого предположения говорят следующие факты.

1. При сравнении почерка рукописи *Ссянъчхйён кыйбонъ* с почерками других рукописных романов той же коллекции обнаружилось, что этим почерком написана рукопись С-36: *хвачжонъ сонхэнънок* (за исключением второй и третьей тетради), а также XXII и XXIII тетради рукописи Д-14: *ха чжин янъмуннок* (остальные тетради рукописи Д-14 написаны другим почерком).

2. На различных страницах рукописи *Ссянъчхйён кыйбонъ* имеются исправления и вставки (иногда размером до 1—2 строк), сделанные черной и красной тушью, написанные тем же почерком, что и вся рукопись (тетр. VI, стр. 37-б; тетр. VII, стр. 49-б; тетр. VIII, стр. 21-б; тетр. X, стр. 41-а; тетр. IX, стр. 29-а; тетр. XI, стр. 27-б, 28-а; тетр. XIV, стр. 28-б). Эти исправления и вставки могли быть сделаны переписчиком при позднейшей сверке данной рукописи с оригиналом или каким-либо другим списком *Ссянъчхйён кыйбонъ*.

Рассмотрим теперь, является ли язык рукописи *Ссянъчхйён кыйбонъ*, помеченной 1884 г., языком XIX в.

Воспользуемся теми фактами языка, наличие или, наоборот, отсутствие которых в языке памятника дает возможность приблизительной его датировки. Здесь имеется в виду оформление существительного в именительном падеже одним или двумя показателями и соблюдение закона гармонии гласных при образовании дательного падежа существительных.

Известно, что в средневековом корейском языке был только один показатель именительного падежа *-и*, единый для слов, оканчивающихся на закрытый слог и для слов с открытым конечным слогом. В дальнейшем в языке появляется особый показатель именительного падежа: *-га* для открытого слога. Посмотрим, как оформлялось существительное с открытым слогом в именительном падеже в данном памятнике и сравним его с рукописями и ксилографами XIX века.

Ссянъчхйёнъ кыйбонъ
нусю-и манмйэнгя Слезы залили
 лицо... (тетр. I, стр. 4-а).

чэчжо-и кыйтхыкхёнчжира Та-
 лант удивительный... (тетр. I,
 стр. 48-а).

тхйэнга-и кыймэпси нэрыни Под-
 небесная беспредельно широка
 (тетр. I, стр. 27-а).

Памятники XIX века
пхосю-га ви сйён хён сон-ыро кы-
нйён-ый мэри чхэ-рыл камачиго
 Стражник сначала схватил эту
 бабу за волосы и намотал их
 на руку... (С-5, рукопись
 1884 г., стр. 129).

кы-сарём-ын чэчжо-га мантха
хёмнэда Говорят, что у него
 много талантов (В-15, ксило-
 граф 1880 г., стр. 7-б).

тянъма-га йэнил кыйчхи чжиани
хэйпкиро Ливень не прекра-
 щался несколько дней (С-6,
 рукопись 1876 г., стр. 15).

пумо-и эмгымхэни Родители были
строги (тетр. I, стр. 10-а).

чомо-га эсэ кйесимника Здрав-
ствует ли ваша матушка? (В-4,
рукопись 1841 г., стр. 95).

Мы видим, что в рукописи *Ссянчхйэи кыйбонъ* для именительного падежа в открытом слоге регулярно используется тот же показатель, что и в закрытом слоге, в то время как в цитированных памятниках XIX века — открытый слог имеет особый показатель *-га*.

Указанная особенность языка рукописи *Ссянчхйэи кыйбонъ* дает возможность предположить, что рукопись была написана раньше XIX в.

Общеизвестно, что действие закона гармонии гласных, который строго соблюдался в раннесредневековом языке, в памятниках XIX века не прослеживается; так например, противоположение *ый/е ≈ э/э*, характерное для раннесредневекового корейского языка, снимается в пользу окончаний *ый/е*. Отсутствие противоположения двух видов дательного падежа, свидетельствующее о нарушении закона гармонии гласных, характерно и для исследуемого памятника. Вот несколько примеров:

сырха-ый урэ

Плача у колен... (тетр. II, стр. 15-а)

хок и кос-ыи мачжэлка турйэхя

Боялся, не встретиться бы в этом месте...

(тетр. X, стр. 2-а)

ийэй-ый панъдюнъ-ый нирйни.

Привел (его) в комнату девушки... (тетр. I, стр. 13-а)

Совсем иначе обстояло дело в XVII в., когда гармония гласных при образовании дательного падежа за редким исключением соблюдалась. Возьмем несколько примеров из ксилографа 1667 г. „*Сохак энхэ*“

танъ-э сянъ-и исимйэ

На пятьсот домов есть школа... (стр. 47)

сийохк-э ссын марира

Что говорится в «Малом учении»... (стр. 21)

сымыл се хин хэ-йе ка холттинира

В двадцать три года выдадут замуж... (стр. 45)

Этот факт дает возможность предположить, что памятник *Ссянчхйэи кыйбонъ* был написан после XVII века.

Остается сравнить язык романа *Ссянчхйэи кыйбонъ* с языком одного из памятников XVIII века как по линии оформления существительного в дательном падеже, так и по линии действия закона гармонии гласных в дательном падеже:

Ссянчхйэи кыйбонъ

Д-13: *кйэньсиннок* (энсэ), ксилограф 1796 г.

а) именительный падеж

тхйэнчжэ-и сюдо-ро сынъсянъ-ыл
какпйор вирохэйго Сын неба,
выразив соболезнование, уте-
шил *сынъсянъа*... (тетр. XXII,
стр. 17-б).

тянъчжэ-и вал Почтенный муж
сказал... (тетр., I, стр. 25-а).

йэчжэ-и юсюнхчи мотхя жен-
щина, будучи непокорной...
(стр. 5-б).

чхйэнь-ый сэйчжэ-и нар-ыл чаба-
кадэни Цинский посол схватил
меня... (стр. 54-а).

б) дательный падеж

открытый гласный корня

май-ый чхюёнхадэни (Ли си-ран) огорчился в душе... (тетр. X, стр. 1-а).

конь-и май-ый исянги нэгий
Конь, в душе сочтя это необычным... (стр. 34-б).

закрытый гласный корня

чиб-ый ирэро Подойдя к дому... (тетр. II, стр. 2-б).

кыдэ чиб-ый кысимхэго тхансик там-ыл тыкко Слышал, как беспокоятся и вздыхают в вашем доме... (стр. 34-б).

Мы видим, что в языке памятника XVIII века, так же как и в романе *Ссянчхён кыйбонь*, закон гармонии гласных в дательном падеже не соблюдается, а именительный падеж в обоих памятниках имеет для открытого слога те же окончания, что и для закрытого.

Таким образом, мы приходим к заключению, что памятник *Ссянчхён кыйбонь* с большой долей вероятности можно датировать XVIII веком.

Роман *Ссянчхён кыйбонь*, по-видимому, был создан в эпоху расцвета в Корее повествовательной литературы на родном языке и представляет ее особую ветвь как в отношении жанра, так и в отношении стиля. Знакомство с этим произведением показывает, что в Корее в эпоху средневековья проза была значительно богаче, чем это считалось до сих пор. Дальнейшее изучение жанра романа должно расширить наше представление о средневековой корейской литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Maurice Courant, *Bibliographie Coréenne*, Paris, 1894.

² Знак вопроса принадлежит Курану.

³ Ким Тхэ Чжун, *Чосон сосэlsa*, Сеул, 1939.

⁴ Цой Хён Бе, *Хангылгал*, Сеул, 1942.

⁵ Маэма Кё:саку, *Косэн саппу*, Токио, 1954.

⁶ *Чжунго жэньмин дацзыдянь*, Шанхай, 1921.

⁷ Сравним судьбу г-жи Чин с судьбой г-жи Са, героини повести Ким Ман Чжунга (1637—1692 гг.) *Скитания г-жи Са по югу*.

⁸ *Чжунго тусу сяошо шуму*, Пекин, 1958.

⁹ Подробно вопрос об отношении качества бумаги и характера почерка к датировке корейских рукописей рассмотрен О. П. Петровой в ее предисловии к первому выпуску *Описания письменных памятников корейской культуры*, М.—Л., 1956 г.

¹⁰ *Нюнь-генг* — китайское Лун-цин — девиз правления минского Му-цзуна (1567—1572 гг.).

¹¹ Здесь и далее — шифры рукописей по инвентарной описи собрания памятников корейской культуры Рукописного отдела Института востоковедения АН СССР.

По докладу выступили Ю. Н. Мазур, Г. Ф. Ким, Хон Ги Мун, Л. Р. Концевич, Л. Е. Еременко, отметившие сложность и важность изучаемых вопросов, а также элементы реализма, возникавшие в корейской литературе XVII—XVIII вв.